

Лирика С. Торайгырова многогранна: она отражает переживания сугубо личного, интимного характера, а также отношение поэта к важнейшим общественно-историческим событиям.

Вполне естественно, что в творчестве поэта-демократа, каким был С. Торайгыров, социальные мотивы оказываются преобладающими. Характерны в этом отношении многие его стихотворения 1913-1914 гг. - времени наивысшего творческого подъема поэта, и прежде всего такие, как «Түсімде» («Во сне», 1913), «Бүлар кім?» («Кто они?», 1913), «Кеше түндегі түс, бүгінгі іс» («Вчерашний сон - сегодняшнее дело», 1913).

Правда, в первом из них общественная проблематика раскрывается еще иносказательно, с помощью намеков. Но уже в стихотворении «Түрмыска» («К жизни») поэт открыто выражает свои мечты о лучшей жизни, свои передовые идеалы. Поэтическая палитра С. Торайгырова необычайно богата. В стихотворении «Кто они?» он с нескрываемой брезгливостью и отвращением рисует портреты тех, кто воплощает в себе худшие черты уходящих в прошлое быта и нравов. А в стихотворении «Бір балуанга карап» («Глядя на борца») поэт, наблюдая самые обычные факты реальной жизни, делает глубокие обобщения.

Страстная вера в будущее неизменно сочетается в поэзии С. Торайгырова с горестной думой о сегодняшнем дне родного края, о тяжелом положении народа. С болью в сердце рисует поэт картины беспросветной жизни современного ему аула в таких стихотворениях, как «Айт» («Праздник») или «Кошу» («Кочевка»). Замечательно также стихотворение «Кымыз» («Кумыс»), которое начинается ироническим обращением:

Алдияр аруагына, ет пен кымыз,

Сені ішкен мұратына жеткен кымыз.

Мейлі доңыз болсын, коныз болсын,

Иеннін түкірігін ем еткен кумыз»

Почтенье твоим аруахам, мясо и кумыс,

Тот достигает счастья, кто пьет тебя,

кумыс.

Пусть будет даже ничтожным

человеком —

Благодаря тебе всемогущ твой хозяин.

Поэт замечает далее, что кумыс охотно пьют стар и млад, богачи и бедняки, ходжи, святоши и муллы. Но далеко не всем он доступен:

Кәсіпсіз кезін сатқан сорлы кедей,

Коя ма піспек андып тентіремей?

Атагынды көтерер алгыс айтып,

Байгуска бір жуткызсан «кет»... «шык.»

демей

Бросил работу бедняга-кедей,

Не может он не охотиться за кумысом.

Не гони его, дай глотнуть кумыса,

Он будет благодарен и прославит тебя.

Но одно дело — любовь к кумысу богачей, и совсем другое — стремление к нему бедняков, людей труда. Стихотворение завершается ироническими строками:

Ей, кымыз, ыза кылдн колга түспей,

Онда мен жүремін гой күйіп-піспей.

Жүректегі капамды атккызар ем,

Өлсем де жұртқа беріп, өзім ішпей.

Эй, кумыс, замучил ты недоступностью своей,

Коль бы был ты у меня, не печалился бы я.

Чтобы излить всю печаль сердца,

Я раздал бы тебя всем, не пил бы сам...

Своего рода эстетическим манифестом поэта может быть названо его стихотворение «Теперешнее направление», написанное тогда, когда С. Торайгыров отчетливо осознал свое истинное призвание в свою роль поэта-трибуна. Это стихотворение стало переломным в творчестве Торайгырова. Поиск правильного пути, верной направленности творчества и составляет главную тему этого стихотворения.

Непокорность судьбе, неукротимая жажда борьбы за светлое будущее народа - эти мотивы звучат во многих произведениях С. Торайгырова. Характерно в этом смысле уже упоминавшееся его стихотворение «Тұрмысқа» («К жизни»). Личное горе поэта (его долгая тяжелая болезнь) обретает здесь такую силу, что рождает особую чуткость к жизни, особую остроту восприятия окружающей действительности. Особенно ярко несокрушимая вера в жизнь, в будущее выражена в концовке стихотворения:

...Кім біледі ол тұрмыс,

Нешелер өмір қазғанын.

Қазса қазсын, көрермін,

Келешектін жазғанын.

Тұрмысты салып көлденен,

А дүние, халқымнын.

Жөнге салсам азғанын.

...Кто знает, эта жизнь

Нарыла столько могил.

Пусть роет и роет, но увижу я,

Что уготовила для меня жизнь.

Взял бы я поперек на седло эту жизнь.

О мир! Направил бы я на верный путь

Всех оступившихся из моего народа.

В ряде стихотворений С. Торайгыров выступает горячим пропагандистом знаний, просвещения, зовет казахскую молодежь приобщиться к передовой культуре. И хотя написаны они вскоре после упоминавшихся уже произведений предыдущего периода — таких, как «К молодежи» или «Какова цель учения», между ними заметны существенные различия. Во-первых, само образование Султанмахмут понимает теперь гораздо шире и глубже, чем раньше. Во-вторых, он пытается разъяснить казахской молодежи, какое образование ей нужно, для чего ей следует учиться.

Сам С. Торайгыров страстно мечтал изучить русский язык. В коротком стихотворении «Омірімнін уәдесі» («Клятва моей жизни») поэт выразил заветные мысли в пламенных строках:

Оллани! Ант етемін алла атымен,

Орыс тілін білемін, әм хатымен.

История, география пәнді білмей,

Оллани, тірі болып жүрмеспін мен.

Сенемін енбек кылсам, бакыт жакын,

Келер жаз атакты, ты алам деген «акын»;

Жүректін казынасы тазартылса,

Пайдасын көрер элі-ак, ертен, халкым.

О аллах! Клянусь твоим именем,

Что буду знать русский язык и письмо

Пока не постигну историю, географию,

Аллах, не буду ходить живым (по земле)...

...Верю, коль тружусь, счастье близко:

На следующее лето добыю звание «поэта»,

Если богатства сердцу будут открыты,

Завтра же увидит пользу мой народ...

Таким образом, овладение высотами культуры для С. Торайгырова это не самоцель, а необходимое условие служения народу.

Султанмахмут решительно отказался от религиозных догматов и под влиянием передовой русской культуры стал упорно овладевать светскими науками. Это крайне раздражало аульную знать, которая не замедлила обвинить его в вероотступничестве, в том, что он не соблюдает уразу (посты), не совершает ежедневно пятикратный намаз (молитвы), отрекся от религиозных учений и не почитает ходжей, мулл. Одним словом, в их глазах он стал «русским». В ответ на это С. Торайгыров написал известное стихотворение «Туган еліме» («К моей родной стране»), в котором открыто заявил о верности своему народу, о том, что он несет и будет нести ему свет разума, просвещения, науки:

Үміт қып менен карайсын,

Кәнілге медеу санайсын.

Балалыққа жарасам,

Аталыққа жарайсын.

Кайтейін, елім, кимаймын,

Кия алмай жанды кинаймын.

Кимай калсам ішіде,

Тагы тыншып симаймын.

Алты кырдан ассам да,

Сөздерінді сыйлаймын.

Тек калауым сіздерден,

«Серіктікті» милаймын.

Сіздерге экеп шашуга,

Ілім-білім жинаймын

Ты опорой считаешь меня,

Ты с надеждой ласкаешь меня.

Только в деле, тебя достойном,

Ты, отец мой, узнаешь меня.

Что же могу я, народ родной?

Состраданье к тебе — со мной.

Но неужто, скорбя и вздыхая,

Свой отыщет душа покой?

Пусть я буду в чужом краю —

В сердце любящем затаю

Языка родимого звуки...

Поддержите меня в пути,

Чтобы смог я вам принести

Свет учениями свет науки!

Поэт обещает здесь стать достойным сыном своего народа, неустанно умножать знания, дабы потом отдавать их людям. Позднее на ту же тему он напишет знаменитое стихотворение «Шәкірт ойы» («Думы шакирда»).

Существуют различные мнения об отношении С. Торайгырова к религии. Иные исследователи его творчества утверждают, будто в своем отрицании религии он поднялся до последовательного атеизма. Но это не совсем так. Общеизвестно, что еще мальчиком-шакирдом он некоторое время увлекался догмами ислама, мечтал выучить наизусть Коран и стать ученым-богословом, коран-кари. Однако он быстро разочаровался в деятельности мулл, понял антинародный характер религии, и увлечение ею вскоре остыло.

Во многих своих произведениях С. Торайгыров едко высмеивает ходжей и мулл, а также всех невежественных, слепых фанатиков ислама. И даже если предположить, что он действительно был противником учения Мухаммеда, то вряд ли в тогдашнем казахском ауле он смог бы открыто бороться за свои убеждения.

С. Торайгыров резко критикует ходжей и мулл, которые, прикрываясь религиозными догмами, всячески обманывают простой народ. Он порицает религиозные обряды, чуждые даже верующим казахам, которые подчас просто-напросто не понимают их и совершают чисто формально. Но все это не дает оснований утверждать, что С. Торайгыров отрицает самые основы религии, самого аллаха, что он стоит на атеистических позициях.

Важное место в лирике С. Торайгырова (как, впрочем, и в творчестве других писателей демократического направления) занимала тема эмансипации женщины, ее бесправного положения в обществе, еще не изжившем патриархальные обычаи и нравы, права ее на свободу и счастье.

В течение 1914 года С. Торайгыров написал на эту тему шесть стихотворений: «Альбомнан» («Из альбома»), «Кешегі кындей түсті булт баскан» («Светлое в былом чело твое затуманилось»), «Сымбатты сүлуга» («Стройной красотке»), «Кыз сүю» («Любовь к девушке»), «Гуләйім» («Гуляим»), «Жан калкам» («Милая душа моя»).

В первом из них, обращаясь к юной красотке, поэт желает ей счастья и встречи с достойным джигитом. В другом стихотворении он с горечью рассказывает о печальной участи девушки, проливающей слезы, и сожалеет, что бессилён помочь ей. Злой сатирой проникнуто стихотворение «Стройной красотке». Горькая ирония заложена уже в самом его названии, ибо речь в нем идет не о красавице, а, напротив, о женщине весьма непривлекательной и к тому же еще неопрятной, неряшливой.

Красота женщины, физическая и духовная, счастье и муки, которые приносят ей любовь, воспеты в стихотворениях «Любовь к девушке», «Гуляим», «Милая душа моя». В последнем из них поэт словно бы исповедуется перед своей возлюбленной, жалуется на страдания, которые доставляет ему неразделенная любовь:

Өзегімді жандырдын,

Идеямнан тандырдын,

Өмірлік кетпес кайгымды,

Бір көз салып калдырды

Сердце мое воспламенила,

Заставила меня забыть все.

Горе мое, неистребимое за всю жизнь,

Заставила забыть одним взглядом.

Последующие строфы звучат почти по-абаевски:

Көленкенді көрейін,

Күрбандыкта өлейін.

Жандырдын өзін өрт салып,

Баспасан кайтіп сөнейін...

Сірә да жалгыз мен емес,

Сенсіз дүние кен емес.

Ауруым катты өлемін,

Өзіннен баска ем емес

Увидеть бы твою тень,

Жертвой буду твоей.

Воспламенила ты пожар в моем сердце.

Если не погасишь сама, как его потушу я...

Не только я один тоскую по тебе,

Без тебя тесен мир для меня

Недуг мой силен, умираю,

Только ты можешь исцелить...

Конечно, лирический герой стихотворения несколько рисуется перед возлюбленной, явно преувеличивает свои страдания. Своими жалобами он хочет вызвать ее сочувствие.

Разнообразие настроений, богатство душевной жизни - одна из особенностей лирики С. Торайгырова. Это ярко проявилось в ряде его замечательных стихотворений, записанных в том же 1914 г. Так, в одном из них поэт, горько сетуя на свою судьбу, восклицает: «В мире все - яд, меня кругом обманывают хитрецы» («Тучи проклятия грохочут»). Мотивы разочарования в жизни звучат в стихотворениях: «Келді хатын, мен шаршап...» («Пришло твое письмо, когда я, устав...»), «Қыңгірт түспен ойға батып» («Хмурым челом предаваясь думам»), «Ей, махаббат! Ей, достық» («О любовь! О дружба!»). В них слышатся глубокая тоска, сердечная печаль, безотрадная горечь, они проникнуты грустной думой о современности, о жизни вообще. Но как ни сосредоточен поэт на своих мрачных переживаниях, в его стихах нет безнадежного пессимизма и безысходности, столь свойственных декадентствующим поэтам той поры. Стихотворение «Алты-аяқ» («Шестистишье»), где нарисован образ волевого, целеустремленного человека, преодолевающего силу неукротимой морской стихии, — прекрасное тому подтверждение. Светлый оптимизм поэта, вера в человека и его безграничные возможности получают здесь наиболее законченное и полное выражение.

Немалое место в творчестве С. Торайгырова занимают картины природы — поэтические описания родной казахской степи. Но, обращаясь к явлениям природы, к ее тайнам, поэт ни на минуту не забывает о повседневных заботах и нуждах живущего в степи человека, о его кипучей трудовой деятельности. Не случайно его стихотворение о летней поре озаглавлено «Жазғы кайғы» («Летние заботы»). Оно начинается с изображения ясного летнего дня цветущей степи, полной жизни и движения. Здесь резвятся жеребята, ягнята, козлята, там слышится блеяние овец, мычание коров, гомон птиц, где-то рядом журчит ручеек. Однако заканчивается стихотворение горькими сетованиями на тяжелую жизнь казаха в этой прекрасной степи.

Еще более мрачно завершается другое лирическое стихотворение— «Жапырактар» («Листья»). Поблеклый лист, замеченный поэтом среди цветущей зелени, рождает в его воображении грустные картины и безотрадные мысли о том, что и человек смертен:

Азапка тұрмыс салгандай,

Есі-дерті налгандай.

Көгерет дейтін үміт жок,

Күрт түсіп катып калгандай.

Дірілдеп жерге карап түр,

Жалганнан көзі талгандай.

Давно в нем жизни

Пыл иссяк,

Больное сердце

Сосет червяк...

Глядит, усталый,

В могильный мрак...

В 1915—1917 гг., всецело поглощенный житейскими заботами, С. Торайгыров пишет очень мало. К тому же стихотворения 1916 г., в которых, по-видимому, содержались отклики на важнейшие события этого времени, до нас не дошли. Среди стихотворений 1915 г.: «Орамалга» («К платку»), «Казак, кызына» («Казахской девушке»), «Жүрегім тулап шабасын» («Сердце мое, ретиво ты скачешь»), «Мейрісіз ажал» («Безжалостная смерть») - первое и последнее носят сугубо личный, интимный характер. Самым же значительным лирическим произведением 1915г. является стихотворение «Сердце мое, ретиво ты скачешь», в котором выражены мечты и стремления поэта, его тоска и разочарование, порожденные невежеством и тупостью окружающей среды. Совершенством художественной формы, разнообразием и богатством языка, всем своим строем оно напоминает лирические шедевры Абая Кунанбаева.

Революционные события 1917 г. в России всколыхнули и казахскую степь. Они заставили С. Торайгырова зорче всмотреться в жизнь, отчетливее определить свои позиции в напряженной общественной борьбе. Однако ему, как и многим другим деятелям культуры, нелегко было разобраться в сложной политической обстановке того времени. Этим в значительной мере объясняются идейные колебания поэта.

В 1917 г. С. Торайгыров создал одно из самых замечательных стихотворений «Шәкірт ойы» («Думы шакирда»). Оно является как бы итогом многолетних раздумий поэта о роли знания, просвещения, культуры. Человек, овладевший науками, должен подобно солнцу «обогревать сердца людей»:

Карангы казак, көгіне,

Өрмелеп шыгып кун болам!

Карангылыктын, көгіне,

Күн болмаганда кім болам...

Кыздырып күннiн карауы

Надандык, тенiзi тартылар.

Орны отайып көгерер,

Кызыгын жайлап ел көрер.

Я бы солнцем взошел над землей,

Озарив родные края.

Как смогу я бороться с тьмой,

Если светить не сумею я?!

Пусть сияние жарких лучей

Обогреет сердца людей!..

В темноте в небо казахов,

Карабкаясь, поднимусь, стану солнцем!

Мстя темноте и невежеству,

Кем я стану, если не буду солнцем?

Когда-то в одном из ранних стихотворений юный поэт писал о том же весьма робко и осторожно:

Мен балан жарык, кvнде сvле куган,

Алуга кvнді барьп белді буган,

Жvлдыз болып көрмеймін елдін бетін,

Болмасам толган айдай балкып туган.

Я - твое дитя, помчавшееся за лучами

светлого солнца,

Я точно решил достичь и взять солнце.

Если стану звездой, то не увижу родной

край,

Если не буду подобен полнолунию.

Какая огромная разница между этими двумя произведениями! Абстрактную символику раннего стихотворения сменяет точная и конкретная образность. Проникнутое ясным сознанием великой цели, стихотворение «Думы шакирда» от начала до конца звучит гимном любви к родному народу, к людям, которых поэт хотел бы «обогреть солнцем».

Убежденность в том, что знание истины — необходимое условие подлинного счастья, пронизывает небольшое стихотворение «Гвл» («Цветок»). Поэт предаётся здесь размышлениям о судьбе распустившегося цветка. Долго ли он будет жить? Какая гибель ему грозит?

...Мvнын бэрін білмесен,

Өмірін калай онады.

...Назовешь ли ты жизнь счастливой,

Если это познать не смог? —

таким грустным вопросом-раздумьем завершается эта изящная поэтическая миниатюра.

Большой интерес представляет философское стихотворение С. Торайгырова «А дүние!» («О мир!»), в котором воплощена величественная мечта о власти человека над миром. Если бы бог дал человеку крылья, то, поднявшись высоко в небо, он увидел бы оттуда всю вселенную. И тогда земля показалась бы ему ничтожной пылинкой, затерянной среди других миров. С горечью глядя на земную жизнь человека, поэт приходит в итоге к пессимистическому выводу:

Өлемге өмір шашкан күні мынау,

Жердегі көрінбеген сыры мынау,

Бар-жогынын тозандай елені жок,

Адам түрсын, жерінін түрі мынау.

Неменеге мактандык, көкірек керіп,

Өзімізге сонша артык, мағына беріп.

«Барша элем жаралган адам үшін»,

Деп калайша адасып жүрдік сеніп.

Вот какво солнце, дающее жизнь миру,

Вот какова тайна его, невидимая на земле.

Не только человек, но и земля мала, как

пылинка.

Есть она или нет ее — не имеет значения.

Зачем же мы хвастались, стуча себя в

грудь,

Придавая себе значение столь великое?

Как же заблуждались мы, веря,

Что «весь мир создан для человека»...

Поэтическая концепция стихотворения, таким образом, внутренне противоречива: утверждение величия и могущества человека сочетается здесь с признанием его бессилия и ничтожества.

Однако в следующих произведениях поэт освобождается от этой двойственности. Об этом свидетельствует, в частности, замечательное стихотворение «Неге жасаймын» («Зачем я живу») – программное произведение поэта-демократа, поэта-гражданина. Мысль о краткости человеческой жизни, о том, что не каждому дано увидеть плоды своего труда, не может приглушить оптимистического пафоса этого стихотворения:

Жасамаймын: Енбектін

Жемісін кезбен көрем деп.

Жасаймын: Бір колкабыс

Кейінгіге берем деп.

Не живу я тем, что увижу

Своими глазами плоды труда.

Живу я мыслью о том, что хоть окажу

Помощь последующим поколениям.

В этих четырех строках выражена несокрушимая вера поэта в будущее, высокое понимание общественной роли поэзии.

Источник: Султанмахмут Торайгыров (1893-1920) //История казахской литературы в3т. Т.2. Дореволюционная казахская литература. /Под ред. И.Т. Дюсенбаева; Ин-т литературы и искусства им. М. О. Ауэзова.- Алма-Ата: Наука, 1979.- 236с. - 260с.

